

Три марксизма в советской физике 30-х годов

Г. Е. Горелик

Геннадий Ефимович Горелик, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН. Область научных интересов — история теоретической физики и социальная история отечественной науки. Автор книг: *Размерность пространства: историко-методологический анализ* (М., 1983); *Почему пространство трехмерно?* (М., 1982); *Матвей Петрович Бронштейн (1906—1938)* (совм. с В. Я. Френкелем; М., 1990). Неоднократно печатался в «Природе».

СОЦИАЛЬНАЯ история советской науки — очень еще молодая область. Ей предстоит сменить то, что можно было бы назвать «социалистической историей» и что имело не большее отношение к науке, чем «социалистический реализм» — к реальности. Детская болезнь, грозящая новой области, — стремление представить происшедшее всего в двух красках. Хотя недостаточность такого красно-белого подхода ощущает всякий, кто знаком с исторической реальностью, дополнить красно-белую палитру и воссоздать подлинный социальный колорит событий нелегко.

Если же всмотреться внимательнее, то окажется, что такое, например, кажущееся однозначным понятие, как философ-марксист, в отечественной истории обозначало очень разных людей и, по существу, можно говорить о нескольких марксизмах. Покажем это на фоне самой удачливой, быть может, из советских наук — на фоне физики.

ФОТОТЕЛЕГРАММА

В будущем музее советской физики непременно должно найтись место для небольшого бумажного прямоугольника, на котором довольно коряво изображен мусорный ящик, рядом с ним — сосуд (очень похожий на ночной) с надписью «эфир» и кот (помоечный) на заборе. Помимо картинки имеется текст:

«Фототелеграмма № 16

из Ленинграда

Москва, Волхонка, 14. Большая Сов.

Энциклопедия,

Отд. точного знания Б. М. Гессену

Прочитав Ваше изложение 65-м томе, с энтузиазмом приступаем изучению эфира. С нетерпением ждем статей теплороде и флогистоне.

Бронштейн, Гамов, Иваненко, Измайлов, Ландау, Чумбадзе Ленинград, Сосновка, 2. Физ.-тех. институт. Теоретич. кабинет»

Фототелеграмма молодых ленинградских физиков в редакцию БСЭ.

С этой фототелеграммы (отправленной в конце 1931 г.) началась шумная история, достойная войти в анналы. О ней помнили ветераны, а публично поведал один из подписантов — Г. А. Гамов, пострадавший менее других и более других удаленный от места событий (как известно, в 1934 г. он стал «невозвращенцем»).

Из автобиографии Гамова можно узнать, что в упомянутом томе БСЭ статью «Эфир» написал «некий товарищ Гессен, красный директор Института физики в МГУ, задачей которого было присматривать, чтобы научный руководитель профессор Л. И. Мандельштам и сотрудники не уклонялись в идеалистических направлениях от прямой дороги диалектического материализма. Бывший школьный учитель Гессен знал кое-что из физики, но больше всего интересовался фотографией и замечательно делал портреты хороших студентов»¹.

Согласно Гамову, БСЭ устами Гессена объявила эйнштейновское решение проблемы эфира в теории относительности неприемлемым с точки зрения диалектического материализма. А, получив фотодепешу из Ленинграда, «Гессен взорвался, принес нашу фототелеграмму в Коммунистическую Академию в Москве и обвинил нас в открытом мятеже против принципов диалектического материализма и марксистской идеологии. В результате по приказу из Москвы было организовано «судебное разбирательство» в Физико-техническом институте², за которым последовало обвинение во вредительстве и оргвыводы: аспирантов И. С. Чумбадзе и С. В. Измайлова, подписавших телеграмму, лишили стипендии, а Л. Д. Ландау и М. П. Бронштейна отстранили от преподавания...

Даже если бы Гамов и не собрался написать автобиографическую книгу, история с фототелеграммой оставила следы. Исторически самые ценные — в журналах того самого времени, когда вышел 65-й том БСЭ. Помня о руководящей роли партии, начнем с ее теоретико-политического органа.

Первый номер «Большевика» за 1931 г. с первых строк напоминает, что «великий перелом» уже позади и что на страну усердно накладывается гипс. Только что декабрьский пленум ЦК поставил «ясную и определенную цель на 1931 г.— завершить построение фундамента социализма». И тут же вместе с журналом следовало «посмеяться над попытками лево-правого блока отрицать, что страна уже вступила в период социализма».

Согласно первому номеру «Большевика», строительству социализма пытались помешать вредители, проникшие в промышленность страны, в самые ее недра, как выяснилось на процессах «Промпартии» и «Шахтинском». Однако во втором номере глаза большевикам раскрыл гораздо шире Э. Кольман в статье «Вредительство в науке»³.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В НАУКЕ

Автор статьи заявил, что взрывы и поджоги — это лишь наиболее очевидная и простая часть вредительства. Не меньшую опасность представляет — далеко не всякому видное — «научно-теоретическое вредительство, не ограниченное какой-либо отраслью науки». Автор не взял на себя «анализ конкретных проявлений теоретического вредительства в отдельных областях естествознания — этим должны заняться работники данных наук», — но дал этим работникам в руки острые инструменты для будущего анализа. Кольман перечислил определяющие черты научного вредительства: подделка под

¹ Gamow G. My world line. N. Y., 1970. P. 94.

² Там же. P. 96.

³ Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 73.

Б. М. Гессен
(1893–1936).

Э. Я. Кольман
(1892–1979).

советский стиль, обилие математических формул, попытки ненаучного, антимарксистского применения математических методов и, пожалуй главное, либеральное отношение к буржуазно-профессорской учености, некритическое преклонение перед ней.

Прочитав это, понимаешь, что таких носителей профессорской учености, как Гамов и его товарищи, обвинить во вредительстве в 1931 г. было нетрудно.

Далее, заявив, что вредительская публика «свила себе не одно прочное гнездо», тов. Кольман тут же самолично принялся разорять одно из них — в естественно-научном отделе БСЭ. Редактор этого отдела, разумеется профессор, В. Ф. Каган допустил, чтобы в статье о волнах и гидромеханике, о Галилее и Гауссе проникли враждебные взгляды махистов, механистов, фрейдистов и прочих врагов пролетариата.

Оргвыводы не заставили себя ждать: уже том БСЭ, отредактированный в марте (спустя месяц после статьи Кольмана), оказался без сведений о составе редакции. А в следующем томе редакция существенно обновилась: место профессора Кагана в отделе естествознания занял непрофессор А. А. Максимов, подотдел математики возглавил сам Кольман, а в физике на помощь академику А. Ф. Иоффе пришел Б. М. Гессен. И именно для этого тома Гессен написал статью «Эфир»⁴. В предисловии к тому «От редакции» прямо сказано о «привлечении растущих марксистских научных кадров для последовательного проведения марксизма-ленинизма во всех областях».

Дальнейшие подробности поищем в журнале «Под знаменем марксизма». И найдем их в статье все того же Кольмана

«Письмо тов. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины»⁵. Свое письмо Сталин послал в журнал «Пролетарская революция», но Кольман не удержался от ответа, потому что указанное письмо, разоблачая новые замаскированные формы борьбы контрреволюционного троцкизма и всякого рода оппортунизма и примиренчества против партии и Коминтерна, имеет огромное значение для фронта математики, естествознания, медицины и психоневрологии. (Даже без кавычек не перепутать шершавый язык той эпохи с любой иронией.)

В качестве наиболее яркого примера борьбы против партии и Коминтерна в области науки Кольман указал на выступление профессора (конечно же!) Я. И. Френкеля на физико-химической конференции в декабре 1931 г. И заметил: «Эта наглая вылазка заядлого махиста, главы группы физиков так называемой «ленинградской школы» (Гамов, Ландау, Бронштейн, Иваненко и др.) не единична. Совсем недавно эти господа в ответ на статью «Эфир» в 65-м томе БСЭ позволили себе устроить демонстрацию: послали радиоизображение — карикатуру похабного содержания, критикующую статью с точки зрения отрицания существования эфира как объективной реальности».

Итак, не просто карикатура, а демонстрация (удивительно еще, что оказалось забытым самоназванием «ленинградской школы» — Джаз-банд).

При этом на марксистской трибуне рядом с адресатом фототелеграммы Гессеном появились еще две фигуры — Кольман и Максимов, обновившие в 1931 г. редакцию БСЭ. Сопоставив убеждения и действия этих

⁴ Гессен Б. М. Эфир // БСЭ. Т. 65. М., 1931. С. 16—18.

⁵ Кольман Э. Письмо тов. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины // Под знаменем марксизма. 1931. № 9—10. С. 163—172.

трех человек, можно убедиться: как нередко бывает в жизни, сильнее всего досталось не тому, кто этого больше заслуживает.

Обратимся к архивным наследиям троих марксистов.

От Гессена и Кольмана, по причинам, о которых мы еще поговорим, остались только считанные листочки — содержимое их личных дел. Но Максимов пострадал за всех: в его архиве имеется замечательная коллекция бумаг — своих и чужих.

Историки могли бы и поблагодарить Максимова за его коллекцию. Он, правда, собирал документы не для благодарных потомков, а в качестве компромата на современников. Но результат его архивных усилий впечатляет. Ведь именно Максимов сохранил знаменитую фототелеграмму и письмо, которое Гамов написал Сталину, защищая своих друзей из ленинградского Физтеха и нападая на Гессена⁶.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ?

В 20-е годы физики Советской России имели большие возможности не замечать существования писателей, кормящихся на ниве философских проблем естествознания, хотя среди самих философов (как частенько бывает у людей, не занятых делом) бушевали горячие дебаты, с хлесткими ярлыками и взаимными обвинениями.

В начале 30-х годов ситуация резко изменилась: сплошная сталинизация общественной жизни распространилась с государственной и гуманитарной сфер в естественнонаучную. В естествознании были открыты сразу два философских фронта — борьбы с «механицизмом» и с «меньшевиствующим идеализмом».

Лидером «механицистов» оказался А. К. Тимирязев («сын памятника», как его называли), профессор физики МГУ. Он успел получить благословение самого Ленина на фронте воинствующего материализма, был видной фигурой в Наркомпросе и фактически контролировал ситуацию на физическом отделении МГУ. Но все это до того, как ему «дали по шапке» (по выражению Гамова). А когда почва под Тимирязевым зашаталась, его верный сподвижник Максимов, воспособствовал переменах на физмате, направив в конце 1929 г. соответствующий донос прямо в ЦК⁷. В итоге главным администра-

тором-физиком в МГУ стал Гессен. И тогда же в МГУ пришел Кольман.

На рубеже 20—30-х годов эти три человека — Гессен, Кольман, Максимов — выглядели единомышленниками. Их связывала Комакадемия и Институт красной профессуры, работа в МГУ, в редколлегиях журналов и, наконец, БСЭ.

Однако жизненные пути, оказавшиеся близкими к концу 20-х годов, разделяло изрядное расстояние в конце 10-х и в конце 30-х. Напрашивается геометрическая аналогия — три оси координат, пересекающиеся в одной точке. Эта система координат позволяет охватить в целом пространство взаимодействия марксизма и физики в 20—30-е годы.

Сначала вкратце биографии наших персонажей. По старшинству, хотя они «погодки», первым идет Александр Александрович Максимов, который родился в 1891 г. в семье сельского псаломщика в Оренбургской губернии. В 1916 г. окончил Казанский университет по специальности «физическая химия», тогда же опубликовал единственную свою немарксистскую статью — по физхимии. С начала 1918 г. работал в отделе культпросвета Казанского совдепа. «Сидел в тюрьме у чехо-белогвардейцев и в момент отступления подвергся попытке расстрела», как он писал с гордостью. В партию вступил в ноябре 1918 г. С 1920-го в Москве. Работал зам. зав. отделом рабфаков Наркомпроса. Партячейка этого отдела приняла в партию А. К. Тимирязева, а тот принял к себе на физмат МГУ Максимова. Далее партийно-философская карьера неуклонно шла вверх, достигнув вершины в годы войны, когда Максимов получил задание ЦК «развернуть патриотические чувства советских ученых, советской интеллигенции вообще»⁸ и сделался членом-корреспондентом АН СССР. Ушел на пенсию из Института философии в 1954-м, но еще 22 года занимался философско-политическими проблемами естествознания внештатно.

Эрнст Яромирович Кольман родился в Чехии, в семье почтового чиновника, учился математике в Пражском университете, слушал в 1911—1912 гг. лекции Эйнштейна. В 1915 г. в рядах австро-германской армии попал в Россию и оказался в плену. За большевистскую агитацию среди военнопленных полгода провел в одиночке Иваново-Вознесенской тюрьмы, откуда его выпустил Великий Октябрь. Воевал с белыми, с недо-

⁶ Горелик Г. Е. Вихри эфирные... // Знание — сила. 1992. № 8. С. 104.

⁷ Андреев А. В. «В ЦК ВКП(б). О политическом положении на физмате МГУ» // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2.

⁸ Максимов А. А. Об отношении к естествознанию и естествоиспытателям (1965) // Архив РАН Ф. 1515. Оп. 1. Д. 153. Л. 86.

статочны красными, затем (в качестве агента Коминтерна) с мировой буржуазией и, наконец, попал на фронт науки. Преподавал в МГУ и параллельно, как мы видели, боролся со всякого рода вредительством в науке. В 1936 г. назначен зав. отделом науки МГК, это был его высший научно-политический пост, которого он лишился в 1937-м из-за ареста братьев жены. Из Института философии, где он заведовал отделом диамата, в 1945 г. уехал в Прагу — зав. отделом пропаганды ЦК КПЧ. В 1948-м арестован, переправлен на Лубянку, но через три с половиной года освобожден. В последующем занимался историей математики.

Борис Михайлович Гессен родился в семье управляющего банком в Елизаветграде. Окончив гимназию, год (до начала мировой войны) учился на физмате Эдинбургского университета, затем на физмате Петроградского университета и одновременно на экономическом отделении Политехнического. Участвовал в революционном движении еще до революции. А после — экспроприировал отцовский банк, за что у родных получил прозвище «наркомфин елизаветградский». С 1919 г. в партии. Работал инструктором политпросвета в Политуправлении Реввоенсовета. С 1921 г. в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, затем в Институте красной профессуры. С сентября 1930 г. он директор Института физики МГУ, а в 1933-м избран членом-корреспондентом АН СССР по философским наукам. После переезда в Москву ФИАНа стал заместителем директора (С. И. Вавилова) по научной части. Редактировал «Успехи физических наук». Арестован в августе 1936-го, одним из первых среди физиков.

ЧТО ОТЛОЖЕНО ПО ОСЯМ?

Разумеется, десятилетия жизни трудно втиснуть в какую-то одну формулировку, даже имея в виду лишь марксистско-научную сторону жизни. Но если все же решиться, то лейтмотивом деятельности Гессена можно назвать стремление найти для новой физики надежное — почетное и уютное — место в марксистском мировоззрении. Для Кольмана в 30-е годы главное — это распространение диктатуры пролетариата на область естествознания, любой ценой и как можно скорее. А деятельность Максимова определялась, судя по всему, просто инстинктом самосохранения. Разумеется, этот инстинкт был не чужд каждому из троих. Однако в 20—30-е годы, когда сильное социальное поле упрощало, уплощало многое в социальной

психологии, лейтмотивами нередко заглушались все побочные темы.

Гибкость Максимова ограничивалась лишь физиологией — гибкостью его позвоночника. Никакие внутренние ценности, судя по всему, особенно его не сковывали. Поэтому он изгибался в полном соответствии с генеральной линией ВКП(б). В частности, когда генеральная линия пронзила Гессена и угрожающе нацелилась на Кольмана, Максимов без промедления воздал должное бывшим своим единомышленникам: изобличил Гессена вместе со всем «рассадником идеализма в физике» — журналом «Успехи физических наук»⁹, а под заголовком «Против путаницы и пошлости» в пух и прах разрецензировал в «Правде» книгу Кольмана «Предмет и метод современной математики» (М., 1936)¹⁰.

Главной пошлостью в книге Кольмана его бывший соратник заклеил проявление чувств автора к своей жене: первые буквы глав этой книги составляли слова «Моей Катинке» (мягким знаком пришлось пожертвовать). Но и это изобличение обязано не бдительности Максимова, а болтливости Кольмана, видимо, слишком гордого своей придумкой. (Не с тех ли пор корректоры страны начали выискивать подрывные акrostихи?)

Тексты же самого Максимова угнетают своей унылой многостраничной тяготиной и сводятся к нанизыванию бесконечных цитат из классиков и их врагов¹¹. Можно было бы назвать его начетчиком, но, благодаря Михаилу Булгакову, есть более точная и яркая характеристика, подсмотренная писателем в те же годы и воплощенная в лохматом Шарике. Кто в данном случае исполнил роль профессора Преображенского, не так важно. Но в роли кошачьего духа выступала буржуазно-профессорская ученость, которой Максимов когда-то не смог овладеть и поэтому испытывал к ней неистребимую вражду. Правда, в отличие от Полиграфа Полиграфыча Шарикова Максимов умел себя сдерживать — впрочем, до поры до времени, пока нервы были еще крепкими и эластичными. С возрастом ему все труднее становилось следить за генеральной линией общественного развития, и завершил свою карьеру Максимов в 1954 г. уже безо всякого почета.

⁹ Максимов А. А. Рассадник идеализма в физике (о журнале «Успехи физических наук») // Большевик. 1938. № 7. С. 91—96.

¹⁰ Максимов А. А. Против путаницы и пошлости // Правда. 1937. 16 марта.

¹¹ Максимов А. А. Ленин и естествознание. М.—Л., 1933.

А у Кольмана кроме статей, до предела пропитанных классово-ненавистью, были и вполне добротные труды по истории и методологии математики. Он написал биографию замечательного чешского математика Б. Больцано. Одним из первых в нашей стране публично сказал добрые слова о кибернетике и способствовал ее реабилитации. Безграничная вера Кольмана в диктатуру пролетариата натолкнулась на препятствие в конце 40-х, но рухнула лишь в 1968-м, когда в его родную Прагу вошли советские танки. После неоднократных отказов Кольману в 1976 г. разрешили покинуть приемную родину мирового пролетариата. Свои воспоминания, вышедшие в Нью-Йорке в 1982 г. он озаглавил «Мы не должны были так жить».

Хотя в этой книге он не упомянул свою эпохальную статью «Вредительство в науке», но признал: «...считая себя, так же как и мои коллеги, компетентным судить по всем вопросам, во всех областях знания ...мы наломали немало дров, нанесли несправедливые обиды не одному ценному научному работнику, из которых многие потом были репрессированы и погибли (что, конечно, не было в наших намерениях), и повредили развитию советской науки, равно как и ее престижу в глазах иностранной интеллигенции, да и социализму и коммунизму в целом нами был причинен громадный ущерб»¹².

Личные отношения Кольмана с коммунизмом, надо сказать, остались личными до последних его дней. Горькие признания в его воспоминаниях соседствуют с гордостью за ярко прожитую жизнь. Примером может служить рассказанное им самим «приключение», случившееся вскоре после статьи о вредительстве: «По дороге в Бухару наш поезд внезапно остановился, послышалась беспорядочная стрельба. «Не иначе, как басмачи напали»,— подумал я. ...Выхватив из кобуры свой крупнокалиберный маузер, я выскочил на площадку вагона. Но это стреляло четверо милиционеров-узбеков, преследуя соскочившего с поезда арестанта-басмача. Они бежали за ним, стреляли неумело на бегу... Прицелившись, я, метя беглецу в ноги, выстрелил несколько раз и попал. Он вскрикнул, свалился, милиционеры схватили его — это был молодой парень свирепого вида, в чалме, которую носили тогда только басмачи...»¹³

А потом, как повествует автор, три изящных кинжала в награду, выступление на митинге и жирный плов, запиваемый вином.

¹² Кольман А. (Э.) Мы не должны были так жить. Нью-Йорк. 1982. С. 183.

¹³ Там же. С. 169—170.

А. А. Максимов (1891—1976).

«БОЛЬШЕВИСТСКИМ ДУХОМ И НЕ ПАХНЕТ»

В статьях Гессена не найдешь ни выстрелов, ни сокрушительных ударов по идейным оппонентам и пригвождения их к позорным столбам. Он весьма сдержанно пользовался лихим диалектом, столь популярным тогда у диалектических материалистов. Не зря товарищи-марксисты в 1931 г. критиковали его: «В числе продукции т. Гессена «теоретико-вероятностное обоснование эргодической гипотезы» ... и др.— эти статьи далеки от актуальных задач партии... В этих статьях большевистским духом и не пахнет»¹⁴. Есть основания думать, что Гессен раньше многих других понял, чем пахнет

¹⁴ Егоршин В. О положении на фронте физики и задачи Общества физиков-материалистов при Комакадемии // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 106—128.

в партии и в стране — сразу после убийства Кирова¹⁵.

А отношение Гессена к новой физике ясно видно из такого обвинения: «У т. Гессена мы видим во всех его работах одну линию — преклонение перед буржуазными учеными, как перед иконами... Общая основа его ошибок — это преклонение перед модными теориями без их анализа и критики».

Очень существенно, что в выборе объектов преклонения Гессену было с кого брать пример. Это прежде всего его друг по гимназии и по учебе в Эдинбурге И. Е. Тамм и учитель его друга Л. И. Мандельштам. К обоим Гессен относился с глубоким почтением и в качестве директора НИИФ МГУ делал — и сделал — все возможное, чтобы оградить научную и педагогическую жизнь школы Мандельштама от социальных стихий, бушевавших в МГУ.

Всего за несколько лет администрации Гессена школа Мандельштама успела расцвести; ее усилиями значительно поднялся и общий уровень московской физики. В этой школе учились и работали крупнейшие советские физики: Г. С. Ландсберг, И. Е. Тамм, А. А. Андронов, М. А. Леонтович, С. Э. Хайкин, А. А. Витт, С. М. Рытов, Е. Л. Фейнберг, В. Л. Гинзбург, А. Д. Сахаров и многие другие. На школе Мандельштама, прежде всего, С. И. Вавилов создавал научную мощь ФИАНа.

А ведь до прихода Гессена в МГУ, по выражению А. А. Андропова (тогда еще аспиранта), «проф. Мандельштама держали в абсолютно черном теле»¹⁶.

Директор Гессен исправно посещал мандельштамовские лекции и семинары, на которых жила самая передовая и самая подлинная физика. Тем самым он точно знал, какая физика правильна. На его долю оставалось подыскать подходящие марксистские формулировки.

Для истории науки квалификация Гессена была вполне достаточна, и его лондонский доклад 1931 г. «Социально-экономические корни механики Ньютона» стал подлинным событием. Достаточно сказать, что этот доклад переиздан в Лондоне в 1971 г. и что имя Гессена на Западе гораздо более известно, чем на родине¹⁷. Однако когда Гессену приходилось давать четкую (и скорую) интерпретацию бурных событий завершав-

шейся тогда революции в физике, его физико-математической квалификации не хватало. И анахроничное (частью в прошлое, а частью, можно сказать, в будущее) понимание проблемы эфира — одно из проявлений этого.

Однако назвать его противником теории относительности никак нельзя. В 1928 г. он в популярной книжке¹⁸ грамотно и даже проникновенно изложил идеи специальной теории относительности (покончившей со старым понятием эфира), да и свою злополучную статью в БСЭ он закончил отсылкой к статье «Теория относительности». Но для общей теории относительности (возродившей некоторые атрибуты эфира) его физико-математической квалификации не хватало,

Издав (из Джаз-бандовского Ленинграда) могло казаться, что «красный директор» Гессен присматривает за Мандельштамом, но фактически Гессен скорее смотрел в рот замечательному физическому. И, кроме прочего, ограждал его от натиска воинственных физиков-материалистов-эфирщиков во главе с Тимирязевым.

И последнее. Согласно Гамову, именно Гессен, нажаловавшись коммунистическому начальству, стал инициатором «безобразной травли теоретической физики». Трудно, конечно, спорить с Гамовым, но: зная характер отношения Гессена к физикам и к новой физике, его не по годам (советской власти) и не по должности интеллигентные манеры, зная, что фототелеграмма, направленная по официальному адресу БСЭ, должна была попасть в руки начальника отдела естествознания БСЭ Максимова (который и сохранил для нас замечательный документ), — зная все это, трудно не предположить, что организатором проработочной кампании был Максимов.

Впрочем, быть может, важнее не столько уточнить драматургию фототелеграфной истории, сколько с помощью этой фототелеграммы понять драматургию отношений философии и физики в СССР в 30-е годы.

ГОДЫ СПУСТЯ

Шесть лет спустя после фототелеграммы судьбы Гамова и Гессена пересеклись еще раз. 29 апреля 1938 г. решением Общего собрания Академии наук СССР оба были исключены из нее вместе с двумя десятками других ученых, «направивших свою деятель-

¹⁵ Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год // Вopr. истории естествознания и техники. 1992. № 1. С. 15—32.

¹⁶ Архив МГУ. Ф. 201. Д. 490.

¹⁷ Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.

¹⁸ Гессен Б. М. Основные идеи теории относительности. М., 1928.

ность во вред Союзу ССР». К этому моменту Бориса Михайловича Гессена уже больше года не было на этом свете. А Георгий Антонович Гамов третий год пребывал профессором в Новом Свете.

В 1955 г. для реабилитации Гессена, по обычаю того времени, нужны были характеристики от достаточно видных людей. Один видный «товарищ» и тогда настаивал, что «Гессен двурушничал и обманывал партию». А «положительные» характеристики дали Тамм и Кольман¹⁹.

Почему Игорь Евгеньевич Тамм в 1937 г. не последовал за своим братом Леонидом²⁰ и другом Гессеном — ведь он вовсе не отрещивался от них, а, напротив, ручался за их честность? Почему человеку с такой анкетой позволили возглавить подсобную группу в советском термоядерном проекте? Почему именно в этой группе родились ключевые идеи советского термояда? Эти вопросы входят за рамки данной статьи. В ее рамках — только сам отзыв Тамма, для чтения которого надо совершить нелегкий прыжок во времени и в цивилизации:

«В Прокуратуру Союза ССР

В связи с тем, что в настоящее время рассматривается вопрос о реабилитации профессора Бориса Михайловича Гессена, я хочу сообщить следующее.

Я был дружен с Б. М. Гессеном с детства, которое мы провели в одном и том же городе — Елисаветграде (ныне г. Кировоград). Мы учились в одном классе со дня поступления в гимназию и до ее окончания в 1913 году, после чего мы вместе учились в Эдинбургском университете в Англии в 1913—1914 гг. Хотя, вернувшись в Россию в 1914 г. мы продолжали образование в разных городах, но встречались очень часто, подолгу проживали вместе в г. Елисаветграде, а примерно с конца 1922 г. вновь стали жить в одном и том же городе — в Москве. Нас всегда связывала тесная дружба, к тому же примерно с 1928 г. до самого ареста Б. М. Гессена в 1936 г. мы работали в одном и том же учреждении — физическом факультете МГУ, где я состоял профессором, а Б. М. Гессен был ряд лет деканом физического факультета, а затем директором Научно-исследовательского института при этом факультете.

В научном отношении Б. М. Гессен, по моему мнению, был самым крупным из

всех известных мне философов-марксистов, работавших по проблемам современной физики, и резко выделялся среди них сочетанием глубокой эрудиции и четкости мысли как в области философии, так и в области физики.

В политическом отношении Б. М. Гессен был наиболее последовательным и глубоко убежденным коммунистом из всех тех людей, с которыми мне приходилось близко общаться в моей жизни. Коммунистическое учение и марксистская философия определяли не только его политические и философские убеждения, но и всю его жизнь и деятельность. С самого момента поступления в партию в 1918 или 1919 году коммунистическое мировоззрение не на словах, а на деле определяло весь его жизненный путь, его отношение к окружающему, все серьезные решения, которые человеку приходится принимать в жизни.

Я хочу особо подчеркнуть, что в течение всей своей долгой политической деятельности Б. М. Гессен был всегда глубоко убежденным сторонником генеральной линии партии и противником всех оппозиций. В наших дружеских беседах всегда, когда в бурные двадцатые и в первой половине тридцатых годов у меня возникали какие-либо сомнения в политических вопросах, Б. М. Гессен с необыкновенной ясностью и логичностью мысли умел устранить во мне эти сомнения и убедить меня в правильности и исторической необходимости той линии, которую проводит партия. Наши тесные дружеские отношения, конечно, абсолютно исключали какую-либо неискренность с его стороны.

Поэтому я убежден, что Б. М. Гессен не только не был виновен в каких бы то ни было преступлениях, но что его жизнь и деятельность может служить образцом жизни подлинного коммуниста.

Герой Социалистического Труда, академик Иг. Тамм 20 октября 1955 г.»

Свой отзыв Кольман писал, вспоминая, наверно, ту самую — Внутреннюю Лубяnsкую — тюрьму, в которой закончилось так много жизней, хотя его лубяnsкий опыт несопоставимо легче. Попал он туда, отстаивая в Чехословакии классический марксизм-сталинизм и поссорившись из-за этого с руководством чехословацкой компартии, прежде всего с Р. Сланским. Лубяnsкие тюремщики им занимались обстоятельно. Сотни публикаций Кольмана отрецензировали — силами Госцензуры, и — хотите не верьте — несколько его работ даже признали не содержащими криминала.

Когда же самого Сланского назначили врагом народа, жена Кольмана — та самая

¹⁹ Центральный архив КГБ. Дело № П-2901 7. Л. 304—306, 320.
²⁰ Л. И. Тамм (1901—1942), инженер-химик, стал одной из жертв «открытых» процессов 1937 г.

«Катинка», которой он посвятил книгу в 1936 г., набралась смелости и написала письмо в защиту мужа самому Берии. И тот лично реабилитировал узника!²¹

А спустя четыре года Кольман написал:

«В Прокуратуру СССР

Б. М. Гессена я знаю с 1929 по 1936 г. по своей работе сначала в Центральном Комитете Партии, а затем в Президиуме Комакадемии.

Б. М. Гессен был мне знаком как способный работник теоретической физики, принадлежавший, однако, по своим философским взглядам к группе меньшевистствующих идеалистов, возглавлявшейся [А. М.] Дебориным и [О. Ю.] Шмидтом. В многократных беседах Б. М. Гессен никогда не высказывал каких-либо антипартийных взглядов. Более того, мне хорошо помнится его отрицательное отношение к Кареву и Бухарину. В 1931 г. я вместе с Б. М. Гессеном был членом советской делегации на Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне и имел возможность наблюдать поведение Б. М. Гессена за границей. Б. М. Гессен

выступил на Конгрессе с научным марксистским докладом о Ньюtone, получившим высокую оценку. Он, так же как и я и М. Рубинштейн (др. член делегации, чл. КПСС) резко критиковали «праксеологию» Бухарина, которой тот, в своем докладе на Конгрессе, пытался подменить марксизм. Вообще же поведение Б. М. Гессена было таким, каким должно быть поведение советского гражданина и члена партии за границей.

18.10.55 Член КПСС с 1918 г., п. б. 001417
Э. Кольман».

Самое большее, что смогли сделать для Б. М. Гессена при реабилитации,— это «удлинить» его жизнь на полтора года.

Осталось сказать о третьем марксисте, под чьим руководством работали в БСЭ в 1931 г. Гессен и Кольман. К 1955 г. член-корреспондент АН СССР А. А. Максимов уже обессмертил свое имя борьбой с «реакционным эйнштейнианством» и с «идеализмом Л. И. Мандельштама», удалился от дел, перебирал, надо думать, бумаги в своем архиве, натываясь время от времени на старую фотограмму.

²¹ Центральный архив КГБ. Дело № Р-761.